

Новые Известия
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

Новые Известия - 2001-28 апр - с. 6

Премьера в доронинском МХАТе — это всегда событие. И практически всегда — не театральное. Кого в этой темно-коричневой громадине, завысающей на Тверском бульваре, вообще интересует театр? Здесь по пьесам, как будто сочиненным дефективными детсадовцами, ставятся спектакли на уровне слабого драмкружка, и зал, состоящий в основном из бабушек в вязанных кофтах, неистовствует, а Татьяна Васильевна Дорониная шаркающей кавалерийской походкой выносит букет — поздравляет очередного режиссера с очередной победой. Не творческой, политической.

МХАТ имени Горького — самый безнравственный театр страны. Возглавляемый, по всей видимости, самым безнравственным худруком всех времен и народов. Ну не могла Татьяна Дорониная, великая актриса и когда-то изумительной красоты женщина, не почувствовать фальшь, не распознать бездарность, искренне поддаться дешевому обману двух наперсточников — Полякова и Говорухина. Значит, сознательно идет на подлог? Блещет за компанию?

Да что с ней, черт возьми, происходит?! По Дорониной хочется рыдать навзрыд. Когда сравниваешь ее в «Трех тополях...», «Старшей сестре», «Мачехе» и ее же, но сегодняшнюю, горяч на сердце такая, словно от потери близкого человека.

Тринадцатый год без присмотра кукуя на Тверском бульваре, оказалась она в ситуации грустной и безысходной. По точному выражению Михаила Горбачева, «не может выйти из окружения». (Понятно, Горбачев не о Дорониной это говорил). Белокую вамп, с годами, правда, сильно расползшуюся, выбрали своим знаменосцем патристические силы широчайшего спектра — от подлеев до сумасшедших. Причем сумасшедшие в доронинском хозяйстве пристроены в зале, а подлецы лезут на сцену.

«Контрольный выстрел» повествует о том, как в интеллигентную и небогатую московскую семью затесался респектабельный, продвинутый и о-очень циничный бизнюк. Поскольку ему, бизнюку, пригляну-

лась молодая поросль семьи — девочка Даша. Затесался, кстати сказать, с серьезными намерениями. Бедные родственники немножко злятся, завидуют, за глаза косят будущего зятя «олигархом», однако же от благосейниев ихних не отказываются и охотно готовы девочку Дашу с рук на руки сбыть. По мнению Полякова и Говорухина, именно так должны вести себя настоящие интеллигенты.

На протяжении семи картин товарищ Поляков поднимает, а Говорухин и актеры пытаются удержать на всу сразу все злободневные проблемы сегодняшней действительности. Проституция среди студентов, казачьи убийства, унижение милиции, обнищание армии, надругательство над великим и могучим русским языком, продажность издателей и демократически настроенных деятелей искусства, а также плачевная старость на обломках империи. Персонажи обмениваются шершавыми, мертворожденными фразами, скорбят, качают права и разводят махровую многозначительность. Подтекста больше, чем текста, а текст такой, что Полякова следовало бы дисквалифицировать. «У нас режим — пожрали и лежим», «может собственных долдонов российский земля рожать», «неловко — когда в залу боеголовка»... Автора этих перлов на днях избрали главным редактором «Литературной газеты»...

Основной положительный герой, то бишь резонер номер один «Контрольного выстрела», — академик Иван Афанасьевич, всю жизнь «коваший ядерный щит». (Почему-то детей своих Иван Афанасьевич назвал Иосифом и Эдитой, так что национальный состав семьи крайне загадочен...). Супруга академика Вера Михайловна — филологиня, изучающая современные сленги. Далеко в своих изысканиях она явно не продвинулась, ибо ничего свежее, чем «фудел», «улет», «прикиди», «оборзел» и «зашибись», со сцены не звучит. Чтобы поддержать благосостояние семьи, Вера Михайловна вынуждена сочинять детективные романы — какой позор... Но почему-то, когда смотришь «Контрольный выстрел», думаешь не о забытых ядерных академиках (есть такой грех, точно) и не об изнасилованных рынком филологи-

нях, а о том, сколько липших людей, так называемых «интеллигентных профессий», в том числе актеров, расплодила советская власть. В программке сплошь народные да заслуженные, а играют отвратительно, голоса зажатые, повадки манерные, поют плохо... Хотя на фоне говорухинской режиссуры (картина, занавес, монолог, картина, занавес, монолог...), а также сценографии, имитирующей мебельный магазин, артисты, конечно, все поголовно качаловы и сары бернар.

Резонер номер два, смена и радость академика — молодой подводник, Дашина школьная любовь. Подводником его сделала, вероятно, с единственной целью — чтобы наемкнут на нового Чашкого. Мол, с корабля на бал — из морских глубин и прямо на помолвку бывшей подружки с пожилым «олигархом». Морак с ходу включается в общий брызжащий хор, а потому неудивительно, что Даша, слегка пометавшись, все-таки выбрала «олигарха». Бедность, может, и не порок, но заnudства она и в родительском доме обелась.

...Один из академиков отпрысков, а именно Иосиф, возвращается домой из Бостона и начинает рассказывать, что «в Америке нет запахов. Ни весна, ни осень не пахнут». По удивительной случайности мой соседом на «Контрольном выстреле» оказался американец российского происхождения Олег, прибывший известить московскую родню именно из Бостона. Пассаж об отсутствии запахов его чрезвычайно изумил. «Как же так, не пахнут? — сетовал он с сильным акцентом. — Просто люди, которые это поставили, никогда не были в Бостоне...». «Олег, — пришлось мне огорчить наивного паренька, — люди, которые ставили, как раз были везде. Они просто морочат голову остальным, как в лучшие советские времена...». «В любом случае, — не сдавался американец, — запахи — это последнее, о чем бы я стал беспокоиться...». И тут он попал в точку. Ни Поляков, ни Говорухин на самом деле запахами не интересуются. Иначе они бы услышали, чем разит от их бездарной пропаганды, и на поклонны бы вышли, зажав носы.

Кстати, вы не знаете, кого это после премьеры ожидали «ауди» с мигалками и джипы с охраной?..